Мятежные ангелы

Автор:
Елена Лазарева

Мятежные ангелы

Елена Лазарева

Они дружили с детства. Прошли вместе путь от одержимых музыкой мальчишек до мировых рок-звёзд. Казалось, их дружба – нерушима. Они носили одинаковые имена, потому их знали под детскими прозвищами – Малыш и Ангел. Но когда один из них вдруг оказался запертым в собственном теле, словно в раковине, почему-то рядом с ним оказался другой человек. Какие неприглядные тайны скрываются за внешне безупречной глянцевой картинкой? Оставшись наедине с самим собой, сможет ли Малыш найти ответ на главный вопрос: что же случилось с Ангелом – и почему их дружба дала трещину? Что он выберет в итоге – жизнь или смерть?

Елена Лазарева

Мятежные ангелы

1. Малыш

…А потом случилось это… Именно так, как я себе и представлял. Потемнело в глазах. Стало трудно дышать. Я почувствовал, как моя раковина стремительно сжимается – и створки вдруг сомкнулись. Я оказался запертым в собственном теле. Меня охватила паника. Я попытался позвать на помощь, но не услышал своего голоса. Кажется, я падал – чьи-то руки подхватили меня. Это были руки Грома. Его запах – запах свежего пота и наших с ним любимых лакричных

конфет. Длинные волосы скользнули по моему лицу, и это было щекотно.

– Малыш, ты чего? Эй, очнись! Это оно, да? Скажи, это оно? Не сейчас, слышишь? Не сейчас!

– Раковина… – только и смог выдавить из себя я, проваливаясь в пустоту.

Очнулся я, надо понимать, в больнице. Впрочем, очнулся – это громко сказано. Сознание работало превосходно. Я слышал голоса – некоторые даже были мне знакомы. Ощущал, как сквозняк шевелит упавшую на лоб прядь. Но, по-прежнему, ничего не видел, не мог произнести ни слова или даже просто пошевелиться – хотя бы убрать эти волосы. Просто лежал в своём теле, как в гробу. Что называется, доигрался. Мечты сбываются. Ты ведь хотел не видеть всех этих людей и быть избавленным от необходимости говорить с ними? Получи, распишись. Можешь теперь, сколько душе угодно, молчать и думать. Это всё, что тебе остаётся, приятель. И неизвестно – как долго это всё продлится, чем закончится…

– Доктор, что с ним? – это Гром. Мне показалось, он был обеспокоен.

– Пока трудно сказать… – ответил незнакомый голос – довольно молодой и немного усталый. – Предварительное обследование показало, что ваш друг совершенно здоров. Быть может, накануне имело место сильное переутомление или нервное потрясение?

– Переутомление – это вряд ли. Гастрольный тур только начался, к тому же… Знали бы вы нашего Малыша – да он даже дома с утра до вечера играл на своём синтезаторе, и ничего ему от этого не было! А вот нервное потрясение… Да, наверное, тут вы правы – можно и так сказать.

Вот как? Выходит, он в курсе, что я всё слышал? Ну и дела…

– Нельзя ли подробнее? – заинтересовался врач.

– Подробнее не могу – это конфиденциальная информация, которая касается только него и ещё одного человека, – замялся Гром. – Скажем так, Малыш

получил неприятное известие, связанное с предательством близких.

Ничего себе! Выходит, Гром тоже так считает – что Ангел меня предал? Значит, как минимум, один человек был бы на моей стороне? А вот это уже интересно… Но почему тогда ко мне никто не подошёл? Как будто я уже был не с ними…

– Кстати, почему Малыш? – удивился доктор.

– А, это давняя история… – голос Грома потеплел. – Он и наш вокалист дружат с детства. Один был самым высоким и сильным мальчишкой во дворе, а второй – отъявленным сорванцом, сущим дьяволёнком. Соседи их прозвали в шутку Малышом и Ангелом. Прозвища к ним приклеились – как оказалось, на всю жизнь. Мы в группе их так и зовём до сих пор – имена-то у них одинаковые.

– Почему тогда в больницу с ним поехал не он, а вы? – вопрос прозвучал слишком прямолинейно, наверное, даже резко, но Гром, похоже, был настолько встревожен, что ничего не заметил.

Этот врач проницателен, даже слишком. Почему, почему… Наверное, мы слишком долго были друзьями, и Ангел просто от меня устал. К тому же… Теперь у него есть персональный Чёрт.

– То, что случилось… Это стало для него слишком большим потрясением. Вот.

Прозвучало неубедительно. Примерно как у меня в детстве, если родители внезапно интересовались, почему я не играю гаммы. Когда, когда же всё случилось? Где она – та невидимая точка невозвращения, которую мы прошли? Или не было никакой точки? Я почувствовал, как пальцы Грома осторожно убрали с моего лица ту самую злосчастную прядь, которую мне уже хотелось выдернуть с корнями. Лёгким таким движением, даже ласковым.

– Малыш, ну что же ты? Зачем? Возвращайся… Возвращайся, слышишь? Ты так нужен всем нам…

Кому – «нам»? Тебе-то, может, и нужен. Ну, ещё Макс, наверное, расстроился – этот любит меня, хотя выражает свои чувства по-детски непосредственно и немного навязчиво. А те двое если чем-то и огорчены – то лишь срывом

гастрольного тура. У меня до сих пор звучат в голове слова Ангела: «Всё, отыграем этот тур – и начинаем искать нового клавишника. Достал он уже меня своими выходками!» А Марк… Марк вообще будет на седьмом небе от счастья. Как бы не помер от радости, бедняга. Макс, он же Максимум – это наш басист. Самый новый и самый наивный участник группы. Просто умиляет его очарованность принадлежностью к Великому Искусству. Если и есть в мире человек, который меньше меня интересуется новостями – это именно он. Только границы его внутреннего мира с внешним более прозрачны, и в этом – счастье Макса. Гром – наш барабанщик. Очень громкий на сцене. В жизни – достаточно тихий и скромный человек, застенчивый даже, если не задевать за живое. Когда он появился, я сразу понял: с этим парнем мы поладим. Так оно и вышло – пусть и не сразу. А Марк… Пожалуй, это худшее, что со мной случалось в жизни.

Напоследок Гром ещё раз коснулся ладонью моих волос и вышел вместе с врачом. Я снова остался наедине с самим собой и своими мыслями. А мыслей за последнее время накопилось много, и слишком долго я от них отмахивался. Но теперь бежать стало некуда. Заняться тоже особо нечем. Пришло время заглянуть в себя…

Самые мои ранние воспоминания связаны с переездами. А переезды были связаны с работой отца. Вернее, с отсутствием таковой. Я даже перестал обзаводиться друзьями на каждом новом месте – всё равно, в один прекрасный день (а чаще ночь) снова придётся спешно собирать вещи и куда-то бежать. В одну из таких ночей меня привезли в Город. Он мне сразу не понравился. Поначалу было интересно: за окном нашего старенького автомобиля мелькали какие-то высокие здания – мне такие видеть ещё не доводилось, мосты… Но то место, куда меня привезли, оказалось не столь привлекательным. Представьте себе тесный серый заасфальтированный двор без единого деревца, окружённый домами-карандашами. Единственным украшением этого двора были металлические столбы, между которыми были натянуты верёвки для сушки белья. Истинный рай для мальчишки. Понятное дело, я туда не рвался. Сидел целыми днями у окна и смотрел на этот ненавистный двор, мысленно представляя себе, во что бы он превратился, случись война, которую я видел однажды в кино.

– Что это с ним? – недоумевал отец. – Сходил бы погулять, что ли… Я в его годы…

– Оставь, это его обычное состояние, – отмахнулась мать.

Странно, что она вообще замечала факт моего существования. Нас у родителей было столько, что я сам иногда с трудом припоминал, как зовут вон того брата или сестру. В свободное от сидения у окна время я прятался по углам и мечтал, представляя себя на месте героев любимых книжек. Как я завидовал тем книжным мальчикам и девочкам, чья жизнь была такой насыщенной и яркой! Походы с родителями на рынок, где мне непременно вручалась какая-нибудь посильная ноша, и уличные драки – вот и все мои тогдашние приключения… Книги были моей единственной отрадой в этом, мягко говоря, странном для ребёнка существовании. Согласно семейным преданиям, читать я научился намного раньше, чем говорить. Забирался в укромное местечко – или на подоконник, с ногами, чтобы младшие не могли дотянуться – и пускался в увлекательное путешествие по прекрасным вымышленным мирам, попутно дополняя их новыми подробностями. Не знаю, отважился бы я когда-нибудь выйти во двор по доброй воле, если б не один случай.

В тот день, как назло, все были дома. Соответственно, к тому времени, как я проснулся, мои любимые укромные уголки уже были заняты. В одном кто-то из старших братьев лупил младшего. В другом – кто-то из сестёр на что-то жаловался маме. В третьем рыдала ещё одна сестра – то ли старшая, то ли младшая. Я попытался устроиться возле окна, но вокруг было слишком шумно, и унылый серый двор в свете ярких лучей утреннего солнца выглядел довольно привлекательно – особенно в сравнении с тем, что творилось у нас в квартире. Я спустился по лестнице, выскользнул во двор и замер на крыльце. Мне всегда нужно время, чтобы привыкнуть к новым запахам, звукам. Во дворе пахло бензином, жареным луком (источником последнего запаха было открытое окно на первом этаже), сигаретным дымом и кошками. Звуки… Для меня, никогда прежде не жившего в больших городах, они сливались в один непривычный и оттого немного пугающий Шум. Впрочем, вскоре я различил в нём нечто знакомое – это были детские голоса. Первым моим желанием было рвануть обратно, но я вспомнил, что творится сейчас дома, и сделал шаг вперёд. Потом ещё…

То, что я увидел, тоже было мне знакомо. Трое ребят примерно моего возраста обступили худенького светловолосого мальчишку, оттесняя его к стене. У него были большие серьёзные светло-серые глаза. Я не увидел в них страха – лишь отчаяние и злость. А дальше… Мой отец был весьма своеобразным человеком, но кое-чему полезному он меня всё же научил – драться. Причём, драться хорошо, и

это умение не раз пригождалось мне в детстве. Куда бы мы ни приезжали, наше семейство неизменно становилось объектом насмешек со стороны соседей. Особенно доставалось нам, детям… Эти ребята оказались пониже меня ростом. Правда, их было трое, но в мою пользу сыграл фактор неожиданности. Едва двое из них оказались на земле, их будто ветром сдуло. С третьим пришлось повозиться. Терпеть не могу, когда свора бросается на одного. В таких случаях у меня срывает крышу, и я не задумываюсь, что делать. Даже если у нескольких человек есть основания для претензий к одному, это не повод лишать его права защищаться.

– Ты откуда взялся? – с любопытством разглядывал меня мальчик. – Я раньше тебя здесь не видел.

– Мы переехали несколько дней назад.

– А, то самое семейство с третьего этажа…

– Ты что-то имеешь против моего семейства? – мне стало грустно. Повторялась обычная история…

– Ничего, – улыбнулся он, как мне показалось, вполне доброжелательно. – Просто я никогда не видел таких, как ты.

– Мои дед с бабкой приехали из другой страны. Но я родился в этой…

– Мне всё равно, откуда ты, – прервал мальчишка. – Я не хотел тебя обидеть. Здорово ты их…

В этот момент из подъезда вышла молодая пара.

– Смотри, какой милый малыш, – улыбнулась при виде меня женщина.

– Ничего, Ангел быстро научит его плохому, – усмехнулся мужчина.

– Малыш? – расхохотался мой новый знакомый, глядя на меня. Я тоже рассмеялся, поскольку был выше него почти на голову.

– Ангел? – я окинул его придирчивым взглядом. – Да, похож.

Так началась наша совместная история, которая длилась годы и, наверное, скоро закончится. Вскоре после нашего знакомства мы поклялись, что будем дружить до самой смерти. Моя, возможно, наступит уже скоро. Но будет ли Ангел в тот момент считать меня своим другом?..

– Сколько тебе лет? – спросил он. Я задумался. – Не знаешь?

– Мне никогда об этом не говорили…

– Ты прямо как с другой планеты!

– Да, мне самому иногда так кажется. Знать бы ещё, с какой…

– Какая разница, если ты уже здесь? – рассудил Ангел. – Хочешь, покажу тебе одно классное место?

– Хочу, – согласился я, хотя, судя по нашему двору, слабо верилось, что в этом Городе могут быть классные места. – За что они тебя?

– Ни за что. Просто так.

– Понимаю… – с необоснованной злобой со стороны окружающих мне приходилось сталкиваться неоднократно.

– Мои родители здесь никому не нравятся. А ещё у меня куча братьев и сестёр. Вон одна из них.

К нам подошла маленькая светловолосая девчушка, чем-то похожая на Ангела. Она без тени смущения принялась меня разглядывать – совсем как недавно её брат.

– Это мальчик или девочка? – спросила она.

– Это мой друг! – с гордостью ответил Ангел, и от этого слова у меня потеплело в груди. Так меня ещё никто не называл. – Не обижайся на неё. Ты, и правда, немного смахиваешь на девчонку, но дерёшься круто.

– Отец научил. Там, где мы раньше жили, моих родителей тоже не любили. А братьев и сестёр у меня, наверное, ещё больше, чем у тебя.

– Так не бывает, чтобы больше! – с уверенностью возразил он.

По пути мы болтали о всяких пустяках. Ангел рассказывал мне о наших соседях, я ему – о прочитанных книгах. А ещё – как называются деревья, цветы, птицы, которые попадались нам на пути. Меня удивило, что эти простые сведения стали для него открытием.

– Ты так много знаешь… – с уважением отметил он. – Старшая сестра пытается учить меня читать, но пока плохо получается. А теперь можно вообще этому не учиться. У меня есть ты – если что, расскажешь.

Классное место оказалось большим тенистым парком – действительно, очень красивым. Мы отметились на всех деревьях, на которые только можно было залезть. Потом Ангел показал мне настоящую пещеру – скорее всего, это были остатки каких-то подземных коммуникаций, но нам она показалась вполне сказочной. Прямо какая-то пещера Али-Бабы, в которой непременно должен храниться клад. Так оно и оказалось: там у моего первого в жизни друга был припрятан запас сладостей и настоящая рогатка.

– Об этой пещере никто не знает, – важно сообщил он.

– Это хорошо, – согласился я. – Здесь можно прятаться от людей.

– Я сам здесь иногда прячусь от этих… А тебе-то зачем? Ты драться умеешь…

– Не все вопросы можно решить кулаками, как сказала однажды моя мама.

– Когда она такое сказала?

– Когда папа учил меня драться.

– Много она понимает… – фыркнул Ангел. – Хотя… Девчонки все такие.

– Почти все. Моя старшая сестра любит драться, – я вспомнил нашу недавнюю битву за книгу, которую она всё равно не стала бы читать, но пыталась отобрать из вредности. Книгу я отстоял, но от отцовского ремня это меня не спасло.

– И кто кого?

– Отец – нас обоих, – вздохнул я.

Мы ещё долго бродили по парку, наблюдая за белками. Ангел показал мне ручей, через который был перекинут небольшой ажурный мостик. Мы нашли газету, смастерили из неё кораблик и пустили по ручью. Так незаметно прошёл день… Опомнились мы, когда уже почти стемнело.

– Пора уже… – с досадой заметил Ангел. – Меня мои уже обыскались. Да и тебя, наверное, тоже.

– Если вообще заметили, что меня нет дома.

Во дворе нас встретила симпатичная молодая женщина, которая выглядела разгневанной.

– Где ты шлялся? – накинулась она на Ангела.

– Гулял с другом, – он указал на меня. – Он как следует врезал тем придуркам из второго подъезда, что всегда ко мне пристают!

– Не ругайся, – механически сделала ему замечание мать, переводя взгляд на меня. Очевидно, я ей понравился. Каким-то чудом мне даже после драки всегда удавалось сохранять приличный вид. – Слава Богу! Наконец-то ты подружился с нормальным мальчиком. А теперь – прощайтесь. Твоего друга, наверное, тоже заждались к ужину.

Как я и предполагал, моё отсутствие было обнаружено в тот момент, когда я переступил порог квартиры.

– Где ты был? – накинулась на меня мать.

– Гулял в парке с другом, – честно ответил я.

– Не ври! – отец гневно стукнул кулаком по столу. – Откуда у тебя мог взяться друг, если ты целыми днями сидел дома?

Да уж, логика железная. И, можно подумать, я только и делаю, что вам вру.

– Твой ужин на столе, – сказала мать, утыкаясь в журнал.

Я молча поел, автоматически поблагодарил её и, в свою очередь, уткнулся в книгу, завесив лицо волосами. Волосы являлись постоянным предметом семейных сцен. Родители всё хотели их остричь, а я сопротивлялся. Так можно было от всех отгородиться и чувствовать себя «в домике». И братьям-сёстрам становилось весьма затруднительно подглядывать в книгу.

– Иди спать, – велел отец. – Зрение портишь.

А когда слушают музыку, то портят слух – выходит, так? Зачем тогда они хотят отдать меня в музыкальную школу? Я сам слышал, как мать говорила отцу, что на новом месте нужно будет меня туда записать.

– Надо наконец-то подстричь его, – оторвалась от журнала мать.

– Не надо, – я шмыгнул за шкаф, но вспомнил, что хотел спросить об одной вещи. – Мам, пап, а сколько мне лет?

– Ты, что, не знаешь, сколько тебе лет? – возмутилась мать.

– Вы никогда мне не говорили…

– Тебе скоро исполнится шесть, идиот! Бегом мыться и спать!

Спать так спать… Вот как интересно получается: сами ничего не скажут, а начинаешь спрашивать – так сразу «идиот». Думают, если я читать умею – со

мной и говорить не нужно. А в книгах не пишут, сколько мне лет. И многое другое тоже не пишут. Помню, был похожий случай, когда я был выпущен родителями во двор в футболке и шортах старшей сестры – своей одежды у меня в детстве вообще не было. Какие-то девочки подняли меня на смех: где твои бантики, почему у тебя причёска, как у мальчика? Так я и есть мальчик, говорю. А они мне: нет, не может быть, посмотри на себя – разве мальчики такими бывают? Я посмотрел, сравнил себя с ребятами на улице – действительно, было не очень похоже. Пришёл домой, попытался себе бантик завязать. Отец увидел, психанул, отвесил подзатыльник. Мол, что ты делаешь, придурок – ты же мальчик! Я возмутился: разве мальчики такими бывают – в розовых шортах с оборочками? Отец пробормотал что-то вроде «мал ты ещё, чтобы взрослым перечить», отвесил мне ещё один подзатыльник и ушёл. Было больно и очень обидно.

– Почему он назвал меня придурком? – спросил я у старшей сестры. – И кто же я всё-таки – мальчик или девочка?

– Ты – мальчик, а придурок – наш папа, – вздохнула сестра, которая выглядела очень грустной. Она рассеянно гладила меня по голове, но было заметно, что думала о чём-то своём. Во двор больше идти не хотелось. Я путался у всех под ногами, и, в конце концов, меня отправили спать – совсем как сейчас. В любой сложной для родителей ситуации иди спать – таков был девиз нашей семьи.

Спали мы на полу, на матрацах. Моё место было между двумя старшими и двумя младшими братьями. Засыпал я быстро – так велико было желание поскорее проснуться и освободить своё личное пространство от присутствия горячих сопящих тел. Смогу ли я уснуть сейчас, освобождённый даже от собственного тела, которое просто лежит себе мёртвым грузом, не отягощая своими потребностями сознание? И, если смогу, будет ли мне суждено проснуться?..

Как ни странно, уснуть мне удалось. По крайней мере, некоторое время моё сознание оставалось отключённым. Пришёл я в себя от ощущения тепла на лице – очевидно, солнечный луч, проникнув в палату через окно, скользнул по моей щеке. Поначалу это было довольно приятно, но вскоре стало слишком горячо для моей чувствительной кожи. Пришлось смириться – я не имел возможности не то, что задёрнуть шторы, но даже попросить об этом. Вскоре в коридоре послышались шаги. Скрипнула дверь.

– Доктор, как он? – это снова пришёл Гром. Знал бы он, как я обрадовался возможности хотя бы услышать знакомый голос!

– Пока без изменений.

– Что же всё-таки случилось?

– К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос. Мы провели полное обследование. Оно показало то же, что и предварительное: он абсолютно здоров. Организм функционирует нормально, но в сознание ваш друг почему-то не приходит.

– Мистика какая-то…

Судя по звуку шагов, Гром подошёл к окну и… задёрнул шторы. Господи, но как он догадался?!

– Почему вы это сделали? – поинтересовался врач.

– Солнце слишком яркое. Не думаю, что ему приятно. Малыш вообще любит мягкое освещение, полумрак… Когда я приезжал к нему в гости, и мы садились пропустить по бокалу вина, он всегда задёргивал шторы. Даже в студии облюбовал угол потемнее.

Господи… Он даже такие мелочи запомнил! Не заблуждался ли я, когда думал, что мой уход из группы вызовет у её участников лишь облегчение? Имел ли право приписывать людям – тому же Грому – собственные мысли и выводы? Возможно, я, подобно ребятам, тоже многого не замечал…

– Расскажите мне о нём.

– Что именно вы хотите знать?

– Хоть что-нибудь. Годится любая информация. Возможно, это облегчит мне понимание того, что случилось. К примеру, какой он человек?

Вот это вопросы вы задаёте, док. Пожалуй, даже я не смог бы на него сейчас ответить… Интересно, что скажет Гром?

– На первый взгляд, довольно странный.

– А на второй?

– Так сходу и не скажешь… Даже не знаю, с чего начать. К своему величайшему стыду вынужден признать, что знал его недостаточно близко, хотя мы знакомы уже много лет. Одно не подлежит сомнению – музыкант он гениальный. При этом к славе никогда не стремился. Но работал, не покладая рук, даже став одним из лучших в мире в своём направлении. Сколько помню Малыша, всегда видел его за инструментом или за книгой – читать он, вроде бы, с детства любит. Играть может сутками – сочинять музыку, совершенствовать уже написанные партии. И ему абсолютно не мешает происходящее вокруг – наша болтовня, настройка других инструментов. Он просто погружается в свой мир, как бы отгораживаясь от всего, и творит…

– А кроме музыки в его жизни есть какие-либо интересы?

– Музыка – главное, – мне показалось, что Гром, произнося эту фразу, улыбнулся какой-то своей мысли.

– Но нельзя жить одной музыкой – должно быть что-то ещё, – возразил врач. – Семья у него есть?

– С братьями-сёстрами, насколько мне известно, отношения сложные. Вернее, никакие. По-моему, они его просто не понимают. Жена, Анжела… Они всегда производили впечатление любящей пары, но в последнее время у них что-то не заладилось. Не могу сказать, что они расстались, но… Малыш сказал: «Мы взяли паузу». А он всегда называет вещи своими именами.

– Дети?

– Сын – он уже взрослый и живёт отдельно. И ещё внебрачная дочь, Марта. Они начали общаться относительно недавно – ничего не скажу по этому поводу.

– Хорошо. Религия? Он религиозный человек?

– Верующий – да. С религией, по-моему, всё сложно. Кажется, в последнее время он не причислял себя ни к одной из конфессий. Но верующим был всегда – мы даже порой подтрунивали над этим. Думаю, напрасно. В его вере нет фанатизма – скорее, она замешана на жажде познания и самосовершенствования.

– То есть, вера в Бога не мешает ему мыслить критически?

– Да, как-то так. Ему нравится чему-то учиться, открывать для себя что-то новое. И ещё… Знаете, он по жизни как бы немного сторонится людей, но я ни в ком не встречал такой способности любить и прощать.

– Вы сейчас о ком-то конкретно говорите или вообще?

– И конкретно, и вообще…

Возле моей кровати послышались шаги – это был врач, я уже начал его узнавать. Кажется, он меня рассматривал. Прямо как музейный экспонат. И даже одеяло на голову не натянешь…

– Красивый человек, – задумчиво произнёс доктор. – Только странная красота – какая-то бесполая… Женщины его любят?

– Скорее боятся, – рассмеялся Гром. – Малыш прекрасно знает о своей привлекательности, но не делает из неё культа и смущается, когда ему об этом говорят. Особенно женщины. Он всегда был примерным семьянином, и в общении с девушками не позволяет себе даже намёка на флирт.

– Тем не менее, я вижу признаки тщательного ухода за собой. Без усилий в его годы так не выглядят. Он, явно, посещал тренажёрный зал и косметолога. Возможно, делал пластику. Скорее всего, красил волосы…

– Всё это было. Равно как и многое другое. Но разве это грех – стремление хорошо выглядеть?

– Любовь к себе и застенчивость? Удивительно… Просто пытаюсь понять, как это сочетается в одном человеке?

– Как вера и любознательность. Нелюдимость и человеколюбие. Трудолюбие и гениальность. Тонкость натуры и твёрдость духа. Деликатность без мягкотелости. Аскетизм в быту – и этот тщательный уход за собой. Даже не знаю, как сказать… Наш Малыш необщительный – может за весь день не проронить ни слова, если к нему не обращаться. Но в трудную минуту, когда тебе нужна помощь, именно этот человек найдёт нужные слова. Подозреваю, что он смог бы рассказать о каждом из нас куда больше, чем мы о нём. При этом своё личное пространство оберегает ещё старательнее, чем ухаживает за собой.

– Даже от близких? От участников группы?

– Выходит, что так… – вздохнул Гром. – Наверное, мы не всегда были справедливы к нему. Посмеивались над его странностями, в действительности совершенно безобидными, не воспринимали всерьёз как личность. Считали слабостью то, что на самом деле было нежеланием демонстрировать силу. Даже его уникальный талант…

– Не был оценён по достоинству?

– Поклонники у него имелись всегда – даже персональные. Понимаете, таких, как он, действительно мало. Возможно, даже и вовсе нет. Но, в то же время, Малыш всегда держался так незаметно, что многим начало казаться – если он исчезнет, группа ничего не потеряет. А ведь это не соответствует действительности. Он мог несколько нот сыграть так, что это меняло смысловой оттенок всей композиции.

– Интересная картина вырисовывается… – доктор сделал несколько шагов по палате, остановившись, видимо, у окна. – Скажите, он вообще делился своими проблемами – хоть с кем-нибудь? Может быть, с вами?

– В последнее время – нет, – печально ответил Гром. – Хотя, думаю, в иные моменты нуждался в нашей поддержке.

– В чём же причина? Не умел сказать? Гордость не позволяла?

– Гордость – в смысле гордыня? Нет, этого в нём не было. Достоинство – да. Но то совсем другое… Не умел сказать… Сейчас ловлю себя на мысли: может, это мы не умели слушать? Поскорее бы он уже пришёл в себя…

– Это что-то изменит?

– Многое, доктор! – Гром произнёс это с такой убеждённостью, что к моему горлу подкатил горячий ком, но я не смог расплакаться – влага так и застряла где-то там, в груди. Он взял мою руку в свою, задержав её на некоторое время, и этот жест был полон неподдельного тепла, которое я ощутил физически, получив хоть какое-то облегчение.

– Значит, будем работать в этом направлении вместе.

– Я к вашим услугам, – без колебаний согласился Гром.

– Как часто вы сможете приходить в больницу?

– Хоть каждый день – гастрольный тур всё равно пришлось прервать. А через пару дней я вообще смогу находиться при нём неотлучно, если будет такая необходимость. Хотя лучше б уж её не было…

– Спасибо, – с некоторым удивлением произнёс врач.

Признаюсь, в тот момент я испытывал не меньшее удивление и благодарность. Кто бы мог подумать, что Гром… Хотя, собственно, почему нет? Разве не он в последнее время делил со мной гостиничные номера? После ухода Анжелы приезжал в гости именно в тот момент, когда одиночество становилось мне в тягость? Как мог, защищал от придирок и дурацких шуточек Чёрта, которые могли бы сделать моё пребывание в группе невыносимым? Возможно, если б не это, всё случилось бы намного раньше. Ведь дело давно уже шло к тому. Теперь для меня важно одно: ответить самому себе на вопрос, чего же я хочу? Вернуться – или?..

Так сложилось, что наша дружба с Ангелом начала крепнуть, едва зародившись. Мы были совершенно разными. Меня восхищала его фантазия, умение

придумывать разные игры на основе сюжетов прочитанных мною книг – мы становились то пиратами, то индейцами, то золотоискателями… В детстве он долгое время был невысокого роста и хрупкого сложения – и стыдился этого, считая себя слабым.

– Глупый, слабость – это совсем другое, – однажды сказал ему я.

– Тебе хорошо говорить, – вздохнул он. – Ты в одиночку запросто можешь троим навешать…

– Думаешь, мне от этого легче? Сила, конечно, полезная штука, но не всегда помогает. Какой от неё толк, когда, к примеру, отец лупит ни за что – просто лень разбираться, кто из нас разбил чашку? Или учительница орёт из-за волос, хотя ей-то какое дело? Ты – не слабый. Эти, из соседнего двора – они самые настоящие слабаки, если сворой набрасываются на того, кто не может им дать отпор.

– Они так не думают…

– Похоже, они вообще никак не думают. Да и кого волнует их мнение? Не грусти, слышишь? У тебя есть я. Я буду защищать тебя, пока ты не вырастешь.

– Правда? Тебя ведь больше никуда не увезут? – в светлых глазах друга в тот момент читался страх, и я едва смог сдержать слёзы.

– Никуда, – заверил его я. – Меня уже в музыкальную школу отдали. А если попытаются увезти, я сбегу. И буду жить на чердаке. Да где угодно, только бы больше не было этих переездов!

– Тебе ведь не нравится Город…

– Теперь – нравится. Очень даже нравится, правда!

Так мы и росли вместе. Ангел знал обо мне намного больше, чем родители, братья и сёстры вместе взятые. На тот момент так много обо мне не знал никто… Кто бы мог подумать, что для меня, человека, который не представляет своей жизни без музыки, музыкальная школа станет такой пыткой! Возможно,

всему виной была учительница – сурового вида пожилая дама с резким, скрипучим голосом, абсолютно немузыкальным.

– Ваш сын, бесспорно, талантлив, но ленив, – безапелляционно заявила она моим родителям, когда заметила, что вместо ненавистных гамм я с куда большим удовольствием играю мелодии из собственной головы. Как они туда попадали, я не знал. Да и не задумывался над этим. Если честно, даже не специально игнорировал треклятые гаммы. Мне просто нравилось это ощущение: музыка, зарождаясь где-то внутри, течёт сквозь тебя, прорывается наружу. И в этот момент ты и она – единое целое. А когда она воплощается в звук, ты, одновременно, испытываешь и радость, и грусть. Ни одно любимое детское развлечение не делало меня таким счастливым… Ради этого я готов был терпеть и музыкальную школу, и эту странную учительницу, которой, судя по всему, неведомы были подобные чувства – её следовало лишь пожалеть, и родительские придирки.

– Ты должен трудиться! – важно заявил мой отец. Тот самый великий труженик, которого мать неделями не могла заставить забить гвоздь или что-нибудь прикрутить. Я и трудился, как мог. По крайней мере, эти мелодии «из головы» с каждым днём удавались мне всё лучше. Однажды мои упражнения совершенно случайно услышал Ангел, который слонялся по двору, дожидаясь, когда я покончу с фортепианной повинностью и смогу выбраться погулять. День выдался жаркий, и окно в комнате, где стоял инструмент, было распахнуто.

– Что это ты играл такое красивое? – взволнованно спросил друг, когда меня наконец-то выпустили на волю.

– Когда? – я впервые видел Ангела таким возбуждённым, и был немного удивлён.

– Вот недавно, после того, как с гаммами покончил.

– А… Это… В общем, моя тайна. Но тебе могу рассказать. Никому не скажешь? – честно говоря, я не собирался ни с кем делиться тем, что со мной происходит, но от него у меня не было секретов.

– Могила.

– Честно?

– Честно-пречестно. Пусть у меня язык отсохнет, если кому-нибудь проболтаюсь.

– Ангел, я не знаю, что это и откуда оно берётся… Но эта музыка… Понимаешь, она как бы звучит во мне. Вот просто звучит – и всё.

– Понимаю, – улыбнулся друг. – Ты её сочинил.

– Я? – странно, но подобная мысль мне в голову не приходила. Учительница рассказывала о великих композиторах, которые сочиняют музыку, но чтобы это мог сделать я, простой мальчик?

– Ну, а кто? Малыш, да не бойся ты, это нормально! Сочинять музыку – это не сумасшествие. Я вот недавно целую песню сочинил.

– Ты? – теперь настала моя очередь удивляться.

– Хочешь, спою? Только не здесь, а то ещё эти услышат, – при одной мысли об обидчиках его аж передёрнуло.

– Пойдём в парк, там сейчас почти никого нет, – предложил я, и он согласился.

Когда мы спрятались в своей любимой пещере, Ангел попросил меня закрыть глаза.

– Я… стесняюсь, – признался он. Я молча кивнул – сам был таким. – А смеяться не будешь?

– Вот ещё! Разве я похож на человека, который смеётся над своими друзьями?

– Ладно, не обижайся. Я не это имел в виду. Просто… Я ещё никогда никому не пел. Это была моя тайна. Но раз уж ты раскрыл свою… И вообще, мне давно уже хотелось с тобой поделиться. А больше и не с кем. Мои точно будут смеяться, хоть они и не такие дикие, как твои.

Не знаю, чего я ожидал, но то, что мне довелось услышать, поразило. Голос Ангела звучал на удивление чисто и глубоко – как будто он не в первый раз пел.

Как оказалось впоследствии, я не ошибся – пока меня терзали гаммами, он уединялся в нашей пещере и тренировался. Саму песню взрослый человек счёл бы, наверное, слишком наивной и пафосной, но мне она показалась тогда очень красивой. Песня была о человеке, который гуляет по городу и думает о том, как в этот яркий, солнечный день ему одиноко и холодно среди людей. Данное чувство было мне знакомо – как будто это написали обо мне.

– Ангел… это… у меня нет слов! – выдохнул я, когда он закончил. Дар речи вернулся ко мне не сразу – я был настолько зачарован этим голосом.

– Тебе понравилось? – с недоверием посмотрел на меня друг.

– Спрашиваешь! А хочешь… Хочешь, я к твоей песне музыку подберу?

– Хочу, – согласился он. – Я сам пытался – отец немного учит меня играть на гитаре, но пока плохо получается.

– У тебя красивый голос. Тебе нужно учиться петь!

– Мне нужно учиться драться, – нахмурился Ангел.

– Драться может научиться любой дурак. Но не каждый сможет так спеть. Жаль, что твои родители не знают, какой у тебя талант…

– Чтобы меня мучили гаммами, как тебя? Спасибо, не надо! – возмутился друг.

– На самом деле гаммы – ещё не самое страшное. Плохо, что моя учительница не любит музыку.

– Как это? – удивился Ангел. – Преподаёт музыку – и не любит?

– Я сам долго не мог понять, в чём дело. А когда понял, сразу перестал на неё обижаться. Просто играю дома то, что мне нравится – и все дела. Родители всё равно не могут отличить мою музыку от настоящей – лишь бы я сидел за инструментом и, как любит говорить отец, «трудился».

– Твоя музыка – самая настоящая! Не говори так, слышишь? Может, она более настоящая, чем то, что тебе преподаёт эта тётка.

– Да тётка, в общем-то, и не виновата – наверное, её саму когда-то так учили.

– Ты всем найдёшь оправдание, – рассмеялся Ангел. – Святой Малыш!

– От Ангела слышу, – рассмеялся я в ответ.

– Из нас двоих ты больше похож на небесное создание.

– Ага, особенно, когда дерусь.

– У тебя красивые волосы, – вдруг с лёгкой завистью произнёс он, и я немного смутился. – Не разрешай их стричь. Когда-нибудь ты классно будешь смотреться с ними на сцене.

– Я – на сцене? С ума сошёл! Ну, разве что с тобой.

– Так ты согласен? – я сначала подумал, что он шутит, но Ангел был серьёзен, как никогда.

– С тобой я пойду куда угодно. Хоть на войну, – заверил его я.

– На войну не надо – там убивают. Значит, по рукам?

– По рукам!

– Только сначала мне тоже нужно будет отрастить волосы, как у тебя.

– Тебе пойдёт, – я посмотрел на друга и мысленно представил себе его лицо в обрамлении светлых локонов.

В тот день мы ещё долго сидели в пещере, представляя себе, как однажды выйдем на сцену – вдвоём, а, может быть, с кем-то ещё. Ангел будет петь, я – играть свою музыку, и мы будем счастливы. Тогда мы и договорились всё делать

вместе, до самого конца.

– Однажды мы уедем из этого ужасного Города, Малыш, – грезил друг, и мне доставляло удовольствие смотреть на его лицо, которому мечтательное выражение придавало сходство с ангельским ликом.

– Не знаю, хочется ли мне этого, – признался я, вспомнив свою недавнюю поездку с родителями в соседний город – такой же пыльный и шумный, только поменьше. – Как по мне, все города одинаково ужасны, и нет разницы – этот или любой другой. Но с тобой я поеду, куда угодно.

– Даже в Антарктиду? – прищурил глаза Ангел, дразня меня. Он знал, что я терпеть не могу холод, и даже в солнечные дни мёрзну, если на улице ветер.

– Да хоть на Луну!

Тогда это действительно было так – я пошёл бы за ним на край света. Нашим детским мечтам суждено было сбыться. Однажды мы вышли на сцену и отлично смотрелись вместе – я со своей смолянистой гривой, с которой не мог совладать ни один парикмахер, и Ангел с его золотистыми локонами. В последнее время я часто пересматривал наши старые фото. Время изменило нас, но не настолько, чтобы сделать неузнаваемыми. Только волосы немного поредели, а взгляд Ангела, если изредка и бывает обращён на меня, уже не светится таким теплом. Интересно, каким он будет – тот, кто займёт моё место рядом с ним? Сможет ли этот человек так чувствовать музыку Ангела, воплощать все его задумки? Неужели, наши пути разошлись навсегда? При этой мысли острая боль пронзила мою грудь, сковывая тело, и я снова провалился в темноту.

Наверное, я всё-таки спал, потому что мне снился сон. Давний детский кошмар, который время от времени некая высшая сила издевательски извлекает из недр памяти. Помню, отец, когда я был подростком, часто грозился сдать меня в психушку. Однажды даже дошло до того, что я схватился за телефон и сказал, что сам сейчас вызову бригаду. Отец испугался, покрутил пальцем у виска, но отстал. И с тех пор меня периодически преследует один и тот же сон. Какие-то люди в белых халатах хватают меня за руки, волокут по тёмному коридору, швыряют на металлическую койку, связывают и почему-то раздевают догола. В этот раз кошмар был особенно реалистичным, и вскоре мне стало понятно,

почему…

Я пришёл в себя от неприятного ощущения. Было холодно, что и неудивительно, поскольку с меня стащили одеяло. Чьи-то руки бесцеремонно шарили по моему обнажённому телу. Пальцы были толстые, мозолистые – они неприятно царапали кожу.

– Смотри, какое тело – а ведь он постарше нас с тобой будет, – услышал я хрипловатый женский голос. – Какие мускулы! А кожа – нежная, как у младенца… И волосы – чистый тебе шёлк!

– Любуйся, пока без сознания, – отозвался второй голос, более высокий, с насмешливыми нотками.

– Да, такой красавчик в нашу с тобой сторону и не глянул бы, – грубые пальцы продолжали ощупывать моё тело. – Смотри-ка, у него и там всё в порядке – а говорят, у азиатских мужиков с этим слабовато…

К горлу подкатила тошнота – казалось, меня сейчас вырвет, однако этого не произошло. Я всегда болезненно реагировал на прикосновения посторонних людей, но сейчас у меня не было возможности защитить себя. Моё тело не могло даже сжаться. Сейчас со мной можно было делать всё, что угодно – трогать, разглядывать. Голый и беспомощный, я казался себе самым жалким существом в мире. Ощущение абсолютного бессилия обрушилось ледяной волной – как будто меня окатили холодной водой. Кажется, я всё-таки вздрогнул.

– Прекрати лапать пациента – нам не за это деньги платят, – вмешалась вторая медсестра или санитарка – кем там были эти женщины. – Наверное, ему холодно. И вряд ли приятно.

Отстранив коллегу, она быстрыми, ловкими движениями произвела над моим телом все необходимые манипуляции, не причинив беспокойства, и заботливо укрыла одеялом.

– Уже и потрогать нельзя, – обиженно сказала первая. – Придёт в себя – будет смотреть на тебя как на дерьмо, вот увидишь. Знаем мы этих богатеньких…

– Этот не будет, – уверенно возразила моя спасительница. – В интернете о нём отзываются как о достойном человеке. Поклонники и коллеги желают ему скорейшего выздоровления. Пишут, что он очень скромный, не был замешан ни в каких скандалах и занимался благотворительностью, но так, что об этом стало известно только сейчас – да и то, случайно.

– Прямо не человек, а какой-то ангел, – фыркнула нахальная особа. – Но хорош – ничего не скажешь. Пускай выздоравливает. Мужиков сейчас мало, а красивых – и того меньше.

– Пойдём, нас ждут ещё несколько красавцев, – прервала её рассуждения вторая медсестра. Первая с сожалением вздохнула, и обе женщины покинули мою палату.

При слове «ангел» у меня кольнуло в сердце. Я ждал, когда же он придёт, но его всё не было. А придёт ли вообще – или мне суждено будет покинуть этот мир, даже не услышав голос того, кого я считал самым близким другом?

В подростковый возраст мы вступили отчаянными, бесстрашными и полными надежд. Я, подобно большинству восточных парней, рано оформился, из «милого детёныша», как называла меня мать Ангела, превратившись сразу в юношу. На фоне меня мой друг казался почти ребёнком – даже в чертах его лица долго сохранялось что-то детское. Мне все говорили, что я выгляжу слишком взрослым, и это немного смущало.

– Мне бы твои мускулы… – с завистью говорил Ангел. – С такими можно даже быть похожим на девчонку, как ты.

Многие подтрунивали над моей наружностью, говорили, что я похож на азиатскую штангистку. Меня это не задевало. Разглядывая своё отражение в зеркале, я неизменно оставался доволен увиденным. Наверное, это было нетипично для парней моего возраста, но моя внешность казалась мне почти идеальной, за исключением едва заметного косоглазия, и я искренне благодарил Бога за то, что он создал меня именно таким. В меня были влюблены почти все окрестные девчонки, и мой небольшой изъян им даже нравился. Правда отец, когда был не в духе, называл меня «дьявольским отродьем» и грозился избить ремнём, если я не перестану косо на него смотреть. Я даже чёлку специально отрастил подлиннее. Но мои юные приятельницы, кажется, не усматривали в

моём взгляде ничего «дьявольского». Ежедневно родители извлекали из нашего почтового ящика какие-то любовные письма и упрекали меня в распущенности – совершенно беспочвенно. На тот момент меня интересовала только музыка. И ещё немного самбо, которым я увлёкся с подачи отца. Подозреваю, он полагал, что этот вид спорта сделает меня «более мужественным».

– Что эти бабы в тебе находят? – недоумевал отец. – Чёлку отрастил – глаз не видно, сзади какой-то хвост висит, как у коня. Кто тебя с такой гривой в приличный оркестр возьмёт?

– С какой гривой? Ты же, вроде, о хвосте говорил?

– Нет, вы только поглядите на него – он ещё и хамит! Не ребёнок, а Божья кара!

В вашем случае – скорее уж, Божье благословение. Теперь вам есть, чем похвастаться в церкви перед другими прихожанами – вот, мол, какой образцовый грешник у нас растёт. Можно истово молиться напоказ, чтобы Господь направил меня на путь истинный – на зависть соседям. Наслаждаться сознанием собственной исключительности, раз уж нет более благовидного повода.

– Думаю, в оркестр его всё-таки возьмут, – возразила мать, большой знаток бульварной прессы и всевозможных телешоу. – Времена сейчас другие – так на него даже быстрее обратят внимание.

Молодец, сама придумала мне оправдание, сама в него поверила. Не родители, а золото. Если бы ещё побольше молчали – вообще цены бы не было. В школе от меня давно уже отстали. Учился я хорошо – педагогическому составу этого оказалось вполне достаточно, чтобы смириться и с чёлкой, и с хвостом. Они даже готовы были закрывать глаза на мои узкие штаны – по последней моде. Я сам их ушивал, не обращая внимания на угрозы со стороны родителей гореть в аду – знал бы Всевышний, как по-хозяйски какие-то смертные распоряжаются его преисподней! Ангел тоже мечтал о таких, но стыдился своих ног, которые считал слишком тощими. Он часами торчал в тренажёрном зале, ежедневно обмерял свои бицепсы и прочие мышцы – и жутко злился, что они не росли. Я же всячески старался развивать в себе гибкость. Именно это казалось мне самым ценным качеством – гораздо ценнее силы. Гибкость и умение владеть собой. Своим телом, разумом и эмоциями. Я много работал в этом направлении –

возможно, поэтому казался сверстникам странным: слишком серьёзным и нелюдимым. Хотя в школе и по всей округе меня уважали – не за умение драться, а за наличие собственного кодекса чести, которому я строго следовал. А ещё – за то, что я много читал и всегда мог рассказать что-то интересное. Это только кажется, что среди мальчишек наиболее авторитетным становится тот, кто сильнее физически. Парней, которые могли набить морду любому, в нашем районе было много. Но ко мне сверстников влекло совершенно другое: я всегда готов был поделиться с ними своими знаниями об окружающем мире, размышлениями о жизни – и никто надо мной не смеялся. Напротив, порой даже обращались за советами.

При этом у Ангела отношения с ребятами не складывались. Даже те, кто уважал меня, продолжали его лупить, иногда извиняясь: прости, Малыш – ничего лишнего. Они знали, что я буду защищать друга, не держали на меня за это зла, но своего отношения к нему не меняли. Долгие годы я бился над разгадкой данного явления – а ответа так и не нашёл. Полагаю, что физическая слабость, которой так стыдился Ангел, не была причиной агрессии, которую он возбуждал в моих приятелях. Попадались ребята и послабее него – но их охотно принимали в свою компанию.

Разглядывая свои подростковые фото, я вижу красивого мускулистого юношу с серьёзным, немного печальным взглядом, который, несмотря на яркую внешность, если присмотреться, выглядит скорее застенчивым, чем дерзким. Рядом неизменно оказывался Ангел – тоненький, немного нескладный, с широко распахнутыми прозрачными глазами. Тогда он смотрел на меня с восторгом – особенно, если кто-то из ребят рассказывал о моих спортивных успехах.

– Ты подаёшь большие надежды, – однажды заявил мне мой наставник. – У тебя правильное мировоззрение и настрой, что в спорте не менее важно, чем хорошие физические данные.

– Не так – на меня эти надежды зачем-то возлагают, – возразил я. – Лично я никому ничего не обещал.

– Жаль, что ты не видишь себя в спорте.

– Я вижу себя в музыке. А спорт… Он учит меня защищать свой путь.

– Разве твои родители против того, чтобы ты занимался музыкой? – удивился он. – Мне казалось, наоборот.

– Не то, чтобы против… Просто я не хочу всю жизнь играть по чужим нотам.

– Не многовато ли ты на себя берёшь? – испытующе посмотрел на меня наставник.

– Сколько дают, – пожал плечами я.

– Тогда Бог в помощь, парень, – улыбнулся он. – Но если всё-таки передумаешь насчёт спорта – дай знать.

Я не передумал – это было исключено, хотя сильно сомневался в том, что Бог мне поможет. Мне казалось, высшие силы, напротив, создают мне препятствия на каждом шагу, словно я им чем-то насолил. Но отступать от задуманного не намеревался. К старшим классам я уже вовсю сочинял музыку – втайне от всех, кроме Ангела – и мечтал её исполнять. Вместе мы написали с десяток песен. Мой друг вполне успешно освоил классическую гитару и уговорил отца купить ему электрогитару, заверив, что это не мимолётное увлечение. Именно отец Ангела, который в школьные годы играл в местной рок-группе, впервые высказал мысль о том, что мне больше подошло бы не фортепиано, а синтезатор. Идея запала мне в душу, и я начал думать о том, как воплотить её в жизнь. Вариантов было немного – учитывая то, что жили мы бедно. Хотя, даже если б у нас были деньги, сомневаюсь, что родители, которые уже решили для себя: их сын станет знаменитым пианистом, и мысленно распределили его будущие гонорары, купили бы мне инструмент.

Это сейчас забавно вспоминать, как я трудился разносчиком пиццы, курьером, почтальоном, репетитором – словом, брался за любую подходящую работу. А тогда мне было совсем невесело. Стоило немалых усилий совмещать эти подработки с успешной учёбой, которой нельзя было жертвовать – ведь именно она служила единственным оправданием моим «странностям». Моя индульгенция… Я появлялся дома совсем ненадолго – в основном, чтобы поспать, чем давал повод подозревать меня во всех смертных грехах. Эти частые отлучки в комплексе с моим экстравагантным видом возводили моё семейство в глазах местной религиозной общины в ранг святых. Да отец должен был молиться не за меня, а на меня – если б не сын-грешник, с его репутацией

человека сомнительного рода занятий о таком можно было бы даже не мечтать. Естественно, я своего добился. Мне всегда непросто было побуждать себя к активным действиям – по жизни я, скорее, созерцатель, чем деятель. Но если уж в голову что-то взбрело – остановить меня не смогло бы ни цунами, ни снежная лавина, ни ядерный взрыв.

Помню в мельчайших подробностях тот день, когда моя мечта наконец-то осуществилась, и я приобрёл вожделенный синтезатор. Оставалась одна проблема: как объяснить его появление родителям? Обманывать я не умел, да и не хотел. Ангел предлагал хранить пока покупку у него, но это лишило бы меня возможности наслаждаться процессом творчества – ради чего, собственно, я всё это и затеял. Решил на свой страх и риск забрать инструмент домой. Как всегда, родители не сразу заметили его появление, на сей раз превзойдя самих себя – опомнились только на второй день.

– Иди сюда, – скомандовал отец тоном, не предвещающим ничего хорошего. Я как раз собирался в школу и уже был одет. – Где ты это взял?

– Купил, – спокойно ответил я.

– Откуда у тебя деньги?

– Заработал честным путём.

– Заработал? – его лицо побагровело, взгляд был полон отвращения и ненависти. – Ты так низко пал, что не стыдишься в этом признаваться?

– Ты, который всегда твердил нам о необходимости трудиться, находишь работу постыдным занятием? – я вызывающе отбросил с лица волосы, глядя ему прямо в глаза.

– Посмотри на себя – ты похож на дешёвую шлюху! Думаешь, я не догадываюсь, где ты берёшь деньги на свои мерзкие тряпки? А теперь ещё и это… Ты перешёл все границы! – он больно схватил меня за плечо и резко дёрнул.

Мне стало обидно до слёз – я вспомнил, как много и тяжело работал, чтобы собрать необходимую сумму, и изо всех сил сдерживался, чтобы не расплакаться

при этом человеке, который меня предал. Отец, ты вообще понимаешь, что говоришь? Разве я хоть раз своим поведением или поступками давал повод такое думать обо мне? А ведь когда-то, нет, не так уж давно, вы с мамой были для меня главными людьми. Помнишь, когда мне было четыре года, случилось наводнение? Меня тогда унесло волной, я оказался выброшен на берег в незнакомом месте, и первым моим чувством был страх вас потерять? Этот эпизод долго преследовал меня в кошмарных снах. А сейчас я мечтаю лишь об одном: никогда больше тебя не видеть и не слышать. Неужели ты не понимаешь, что сейчас мы утратим друг друга навсегда? Почему ты меня не слышишь?!

Впрочем, нет. Вы ведь оба – ты и мать – предали меня не сейчас, а куда раньше. Я был совсем маленьким – года три, не больше. Меня заставляли съесть очень невкусный суп. Он был густой, тягучий, с противными кружочками застывшего жира. Я отпирался, давился слезами, был на грани истерики. И тогда мать заявила: «Если ты немедленно это не съешь, мы больше не будем тебя любить». И отец ей поддакнул. Я был в шоке: как мои родители не будут меня любить из-за какого-то мерзкого супа? Неужели, для них еда важнее, чем я? Это не укладывалось в моей детской голове. Я просто впал в ступор – сейчас бы сказали «завис» – и молчал несколько дней. Они даже обижались на меня, ругали – похоже, так и не поняли, почему так вышло. Наверное, именно тогда была оборвана тонкая, хрупкая, но очень важная ниточка, соединяющая нас. Тогда меня просто предали, а сейчас собирались уничтожить. Вероятно, тому, кто однажды уже пошёл на предательство, легче решиться на убийство.

Мы стояли друг напротив друга. Он – коротко стриженный, небритый – типичное воплощение того, что в обществе принято называть «настоящим мужиком». И я – со своими волосами, которые отросли уже ниже пояса, в пёстрой шёлковой рубашке с широкими рукавами и узких чёрных бархатных штанах, которые его особенно бесили: отец с презрением говорил, что в них я похож на «бабу»…

– Не смей ко мне прикасаться, – я сбросил со своего плеча его потную горячую ладонь.

– Ты ещё и руку на отца поднимаешь? – заорал он. – Ты, позор семьи, проститутка! Думаешь, я не догадываюсь, каким образом ты «зарабатываешь»?

В этот момент я понял, что он меня убьёт. Сначала моё тело сковал ледяной ужас – да так, что нельзя было пошевелиться. Он тяжёлой свинцовой волной прокатился по телу и застрял где-то внизу живота. Но я усилием воли заставил

себя встряхнуться и, преодолевая страх, шагнул вперёд. Казалось, сам Бог тогда меня покинул, оставив наедине с этим чудовищем, в которое превратился мой отец. Помню, как кричала мать, но её крик доносился до меня словно сквозь глухую стену. Как потемнело в глазах, когда он всё-таки ударил меня первым. Как я, превозмогая боль, нанёс ответный удар – такой силы, что под рукой затрещали кости. Дальше всё было словно в тумане. Я знал только одно – что должен остаться в живых. Не могу сказать, сколько продлился этот ад – несколько мгновений или больше, однако мне он показался вечностью. Так вышло, что тот, кого в семье всегда считали слабаком и ничтожеством, оказался сильнее «настоящего мужика». В какой-то момент мне удалось повалить отца на пол, но я продолжил наносить удары, просто будучи не в силах остановиться.

Опомнился я лишь тогда, когда чьи-то незнакомые руки оторвали меня от поверженного противника, который уже даже не сопротивлялся. Силы мгновенно покинули меня, и я безвольно повис на этих руках. Я отбросил со лба слипшиеся пряди и увидел на пальцах кровь – как впоследствии оказалось, она была не моя.

– Успокойся, малыш, всё уже позади, – сказал незнакомый женский голос, и уже другие руки ласково обняли меня за плечи. И это прозвище напомнило мне о друге, который всегда оказывался рядом в трудную минуту. Но сейчас, когда его со мной не было, я чувствовал себя совершенно одиноким и лишним в этом мире. Слёзы против воли потекли по моим щекам, смешиваясь с отцовской кровью. Вместе с тем, возможность адекватно воспринимать реальность постепенно возвращалась ко мне. Я увидел полицейских, заплаканную мать, отца с разбитым лицом и каких-то людей в белых халатах. Возникло ощущение, что именно сейчас моя жизнь круто меняется – и никогда уже не будет прежней. Равно как не буду больше прежним и я сам. Приходя в себя, я ощутил странный физический дискомфорт, украдкой провёл ладонью по внутренней стороне бедра и понял, что обмочился. Сам не заметил, когда это произошло – скорее всего, во время драки, и только эти смешные бархатные штаны спасли меня от позора. Было холодно и стыдно. И так одиноко, как бывает только в детстве, когда тебя наказывают за несуществующую провинность. Я пребывал в шоке. Собственное тело, которое до сих пор было таким послушным и казалось мне совершенным, меня подвело. Даже оно не принадлежало мне в этом мире, и какая-то недобрая высшая сила могла распорядиться им по своему усмотрению. Но не душой – нет. Душу я не отдам никому. Ни за какие блага. Вдруг пришла в голову мысль, что дьяволу душу продают, а Богу – отдают даром. Только ни один из них (а, вероятнее всего, это две стороны одной сущности) её не получат. А тело… Если издеваться над ним, слабым и беззащитным – это всё, на что Ты

способен, Господи – мне тебя жаль. Извращенцы вы все там наверху, что ли? Вот уж, поистине, достойное занятие для высшего существа – глумиться над собственным творением, полностью пребывающим в Твоей власти, как кошка над мышью… Я не испытывал к себе отвращения. И единственное, что меня держало в тот момент – это была любовь. К себе, к Ангелу, к сестре. Какой-то внутренний голос предательски нашёптывал, что мне лучше умереть, но я думал о тех, кому был нужен, из последних сил цепляясь за жизнь.

– Меня заберут? – неожиданно спокойно спросил я у женщины-врача.

– В участок? Нет, тебе нечего бояться – ты ведь оборонялся, – она осторожно провела пальцами по моим волосам. – Если хочешь, мы отвезём тебя в больницу.

– Не нужно в больницу, – запротестовал я, опасаясь, что там мой позор будет обнаружен. – Просто… Пускай он больше не смеет ко мне прикасаться, иначе я его убью.

– Может, мы всё-таки тебя осмотрим? – предложила врач.

– Со мной всё в порядке, – поспешно заверил её я. – Лучше его осмотрите. Ему точно нужна ваша помощь.

– За что он на тебя набросился? – спросила вторая женщина, в полицейской форме.

– Долгая история… Дело в том, что я учусь в музыкальной школе по классу фортепиано, но давно мечтаю освоить синтезатор. Семья наша живёт… Сами видите, как, – я указал взглядом на убогую обстановку нашего жилища, стыдясь вовсе не этого, а тех ужасных слов, произнесённых отцом. – Лишних денег нет. Вот я и подрабатывал после школы, как мог, чтобы накопить нужную сумму. А он…

– Попытался забрать эти деньги?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lazareva_elena/myatezhnye-angely

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить